

КОРЕЙЦЫ НА УРАЛЕ В 1920–1930-е гг.: МОБИЛЬНОСТЬ, СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК И СТРУКТУРЫ

А. А. Авдашкин

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Представленная статья посвящена миграции корейцев на Урал в 1920–1930-е гг. Основное внимание автора фокусируется на таких сюжетах, как миграция, социально-демографический облик и социальные структуры корейских мигрантов. Основу источниковой базы составили архивные документы, материалы о национальном составе населения регионов Урала по переписи 1926 и 1939 гг., существенную пользу принесли книги памяти жертв политических репрессий Челябинской, Свердловской и Пермской областей. Выбор территориальных рамок обусловлен тем, что именно в пределах данных трех регионов проживало подавляющее большинство корейцев Урала. Теоретико-методологические рамки рукописи составила теория мобильности. Корейцы переезжали на Урал с Дальнего Востока для получения образования и трудоустройства в крупных промышленных и культурных центрах. Военно-политическая обстановка в российско-китайском приграничье накалялась, и корейцы стали восприниматься органами власти как нежелательный социальный элемент. Ощущался дефицит плодородных земель и звучали идеи о постепенном переселении корейцев. Все это служило выталкивающим фактором для граждан корейской национальности и способствовало их переезду во внутренние районы страны, в том числе на Урал. Депортация корейцев и репрессии против них привели к тому, что корейцы на длительное время фактически «растворяются» в местном населении, и о них становится известно только спустя несколько десятилетий.

Ключевые слова: миграция, корейцы, Урал, мобильность, репрессии.

Введение

Миграции на разных этапах российской истории являются все более актуальным предметом научных изысканий, поскольку мобильность выступала важным механизмом формирования этнодемографического облика многих регионов нашей страны. Урал, находящийся на стыке Азии и Европы, не является исключением, поскольку через него исторически проходили сложные маршруты перемещений из различных частей Азии, в том числе с участием корейцев. История этой этнической группы в довоенном СССР в основном связана с Дальним Востоком или Средней Азией (Казахстан и Узбекистан), куда произошла депортация подавляющего большинства корейцев в 1937 г., с территорий, примыкающих к потенциальному театру военных действий между СССР и Японией. Однако заметные по своей численности сообщества корейцев сложились в эти годы и на Урале.

Цель статьи – на примере Урала показать формирование и развитие сообществ корейских мигрантов в 1920–1930-е гг. Это позволит ответить на ряд исследовательских вопросов: какова динамика и траектории миграций корейцев; какие социальные структуры ими создавались. Территориальные рамки на данном этапе реализации проекта включают Челябинскую, Пермскую и Свердловскую области, поскольку именно в границах этих регионов проживало подавляющее большинство корейцев Урала.

Основу источниковой базы составили архивные документы, результаты переписи населения (1926–1939 гг.). Своё применение нашли книги памяти жертв политических репрессий Свердловской области, базы данных «Жертвы политических репрессий. Территория Пермского края 1918–1980 х гг.» и «Жертвы политических репрессий в Челябинской области». Выявленные источники позволяют реконструировать значимые характеристики социально-демографического облика корейцев, живших на Урале в тот период. Это возраст, место рождения, уровень образования и сферы деятельности. Иные важные детали (семейное положение, наличие детей, смена мест проживания и время приезда в Россию) пока не удалось изучить. Учитывая ограниченный объем рукописи, не все сюжеты представлены в данном тексте.

Обзор литературы

Полуторавековой истории пребывания корейцев в России посвящен значительный массив литературы, но в историографии наблюдаются определенные территориальные и хронологические лакуны, поскольку большинство исследований выполнены на «дальневосточных» или «центральноазиатских» материалах [1–7]. Иными словами, длительное время в этих исследованиях преобладал маркоподход, что, к сожалению, оставляло без внимания историю региональных корейских сообществ, например, корейцев Урала, Сибири или Юга России.

Лишь относительно недавно в исторических повествованиях о *коре сарам* начали появляться региональные ракурсы. Историография корейской миграции на Урал сегодня находится в стадии активного формирования, о чем свидетельствует выход крупных обобщающих работ по этой проблеме только за последние несколько лет [8, 9]. В литературе подробно проанализирована история появления и развития корейских сообществ на материалах Прикамья. М. С. Каменских показана важная роль дореволюционной волны миграции корейцев, главным образом в годы русско-японской войны, в формировании устойчивых миграционных связей между районами расселения корейцев на Дальнем Востоке и Средним Уралом в период, рассматриваемый в статье [10]. В серии публикаций Е. Ч. Ко, С. Лим и других подробно изучено присутствие корейцев на территориях Свердловской области и показано разнообразие биографических траекторий советских корейцев, в том числе в интересующий автора исторический период [11, 12].

На сегодняшний день подготовлена целая серия трудов, посвященных проживанию корейцев в различных частях Урала. Однако историки пока не располагают полной картиной корейской миграции в этих территориальных рамках. Зачастую перед читателем разворачивается панорама локальных случаев или описаний на уровне отдельного города (Пермь, Свердловск, Нижний Тагил), пусть и детально проработанных. Между тем целостная историческая реконструкция данных сюжетов необходима для более глубокого понимания сложных и противоречивых последствий этих перемещений, понимания того, как «закреплялись» корейцы в различных частях страны. Представленная автором статья призвана частично восполнить существующие историографические лакуны и обобщить материалы, относящиеся к истории пребывания корейцев на Урале в период 1920–1930-х гг.

Методы исследования

Теоретико-методологические рамки образует теория мобильности, применение которой позволяет описать процессы миграции с участием корейцев на Урал как часть масштабных перемещений из районов Дальнего Востока в центральные регионы страны. Мобильность служила ответом на постепенное осложнение положения корейцев в районах их компактного проживания в зоне фронта. Корейцы со второй половины 1920-х гг. ощущали рост военно-политической напряженности и все более подозрительное к себе отношение со стороны органов власти [13, р. 65–66]. Акцентированной становилась политика по постепенному вытеснению корейцев с наиболее плодородных земель, в том числе переселение в Среднюю Азию [6, р. 66–69]. Все это способствовало нарастающему миграционному оттоку, в том числе на Урал,

где разворачивались масштабные стройки, вводились в строй все новые промышленные предприятия и были востребованы квалифицированные специалисты.

Результаты и дискуссия

Всего перепись населения 1926 г. зафиксировала на территории Уральской области 232 корейца. Учитывая в основном трудовой характер миграции, в которую были вовлечены корейцы, основную их численность составляли мужчины. В основном они проживали в Тагильском округе. Гендерное соотношение выглядело следующим образом: 213 мужчин и 19 женщин (см. табл. 1).

Таблица 1
Численность корейцев на территории Уральской области
(по материалам переписи 1926 г.)¹

Table 1
The number of Koreans in the Ural region
(based on the 1926 census)

Округа Уральской области	Мужчины	Женщины	Городское население	Сельское население
Верхнекамский	15	2	17	
Ишимский	3	1	1	3
Кунгурский	1			1
Курганский	16	3	6	13
Пермский	30	4	32	2
Свердловский	21	0	21	
Тагильский	75	7	33	49
Тобольский	23	1	22	2
Троицкий	1		1	
Тюменский	26	1	24	3
Шадринский	2		2	
Всего	213	19	159	73

Примечание: Подсчитано автором по: [14]

По мере роста внешнеполитической напряженности и внутренних преобразований у властей возникало все больше сомнений в политической лояльности членов корейской общины. Осенью 1937 г. из приграничных районов Дальнего Востока произошло выселение 170–180 тыс. советских корейцев. Переписью 1939 г. на Урале было зафиксировано 767 корейцев (см. табл. 2), что составило почти 6,6 % от общей численности всех корейцев, проживавших на территории РСФСР в конце 1930-х гг. По сравнению с предыдущей переписью мы видим, что численность корейцев возросла более чем в три раза, в основном это происходило за счет миграции. Из них репрессиям подвергся как минимум 131 человек, большая часть из которых проживала в Свердловской области, где органы госбезопасности «изобличили» большую организацию японских шпионов. Для сравнения, на 108 корейцев, проживавших в этом регионе по данным переписи населения, приходилось 77 личных дел репрессированных.

¹ В данной таблице не отражены округа, в которых корейцы не проживали.

Численность корейцев на Урале в 1939 г.

Таблица 2

The number of Koreans in the Urals in 1939

Table 2

Область / Республика	Численность корейцев
Челябинская область	291
Свердловская область	108
Пермская область	368
Итого на Урале	767
Итого РСФСР	11462
Итого в СССР	182339

Примечание: Подсчитано автором по: [14]

Анализ биографий на основе следственных дел репрессированных корейцев показал их высокую мобильность. Они часто переезжали перед тем, как остановиться на постоянное место жительства в городах Урала. Вот несколько показательных биографий, которые позволяют продемонстрировать обширные траектории перемещений корейцев в тот период. Многие приезжали в Россию / СССР из-за границы или совершали частые поездки в Китай и Японию для общения с членами семьи, по торговым, общественным делам или с целью учебы.

В этом смысле показательна биография Кан Динхо, который в 1920-е гг. временно уезжал учиться в Китай в корейской школе (г. Ленден). После получения образования он два года работал учителем в окрестных учебных заведениях на территории Китая. Потом вновь решил вернуться в СССР и в 1933 г. переехал в Свердловск. Одним из важных факторов при выборе нового места жительства послужило то, что в этом городе несколькими годами ранее обосновался его приятель по имени Ким Ченхо. Вместе они учились в корейской начальной школе на Дальнем Востоке, вместе ездили учиться в Китай, а во время проживания в Свердловске стали соседями и коллегами [15, л. 1, 7–11, 15–17]. Кан Динхо был арестован и расстрелян в 1937 г. как японский шпион.

Стоит также обратить внимание на биографию Ан Тэдо, являвшегося ярким представителем корейской общины того времени. Он знал корейский, японский, русский, немецкий и французский языки. На разговорном уровне хорошо понимал китайский. Состоятельный дядя по отцовской линии, занимавшийся торговлей в Приморье, еще до революции отправил Ан Тэдо учиться сначала в Петербургскую гимназию, а затем в один из университетов в Японии изучать французский язык и литературу.

До начала Первой мировой войны Ан Тэдо вступил в корейское национальное общество «Кунминхве»², воспринимавшееся в Российской империи как проамериканское и запрещенное по этой причине в 1916 г. Однако потребность большевиков в социальной организации корейских

² Антияпонское корейское общество, возникшее в Корее в 1904 г., спустя несколько лет отделения этого общества работали в 12 крупных городах Дальнего Востока и Восточной Сибири.

трудящихся привела к его воссозданию, а несколько позже к реорганизации в «Союз корейских рабочих». В 1914–1920 гг. Ан Тэдо активно занимался делами обществ корейцев, много ездил по России и часто выезжал за границу. Налаживая связи с корейскими обществами, посещал Токио, Иркутск, Харбин (где, к слову, был арестован японцами и бежал из-под стражи), Екатеринбург, Пермь, Москву и Петроград. В 1920 г. остался на постоянное место жительства в Екатеринбурге и занялся работой по развитию местного отделения Союза корейцев. Сменил за 1920-е – начало 1930-х гг. немало профессий и мест работы: от уполномоченного уголовного розыска до заведующего клубом при асбестовом руднике. Кроме того, Ан Тэдо поддерживал прочные связи с местными китайцами, некоторое время перед арестом (1932 г.) даже работал кассиром в артели «Китайский рабочий» (находилась в Свердловске). Высокий уровень образования, знание иностранных языков, наличие пробелов в официальной биографии, в особенности в период пребывания за границей, активная общественная деятельность и широкие связи с корейскими сообществами в городах СССР и за его пределами – все это обусловило крайне подозрительное отношение к нему и арест [8, с. 61–62; 16; 17, л. 50–51].

К сожалению, рамки данной статьи не позволяют привести полную географию миграции корейцев, показать разнообразие их социальных связей с корейцами в других частях страны, но даже эти биографии, представленные выше, иллюстрируют, насколько фактор корейской миграции способствовал включению Урала в ее протяженные связи и динамичные коммуникации. Они развивались вплоть до начала депортации и широкой волны репрессий в отношении корейцев в СССР.

Подавляющее большинство корейцев на момент ареста находилось в возрасте порядка 30–37 лет. В основном это еще молодые мужчины трудоспособного возраста (см. табл. 3). Представителей послереволюционного поколения, родившихся в 1918–1922 гг., зафиксировано только семеро.

Таблица 3
Принадлежность корейских мигрантов к различным поколениям (по годам рождения)

Table 3
Korean migrants belonging to different generations (by year of birth)

До 1885 г.	1886–1890 гт.	1891–1896 гт.	1897–1900 гт.	1901–1917 гт.
10	10	10	4	96

Примечание: Составлено автором по: [18–20]

Местом рождения подавляющего большинства корейцев является Дальний Восток – Приамурье или окрестности Владивостока, т. е. это мигранты «второго» и «третьего» поколений, плотно интегрировавшиеся в принимающее общество. В свою очередь представители поколений XIX в. родились в основном еще на территории Кореи (см. табл. 4). Не исключено, что они подверглись водворению

во внутренние губернии России в годы русско-японской войны или приехали работать на уральские заводы, лесозаготовки и угольные шахты еще во время Первой мировой войны [10].

Таблица 4
Место рождения корейских мигрантов
Table 4
Place of birth of Korean migrants

Провинция / город	Численность уроженцев
Дальний Восток	79
Корея	49
Владивосток	6
Калининская область	1
Томск	1
Ворошиловск	1
Не установлено	1
Приморье	1

Примечание: Составлено автором по: [18–20]

Надо отметить, что среди корейцев встречались не только случаи трудовой миграции. Основным мотивом смены места жительства зачастую являлось желание получить образование, стремление к самореализации в крупном промышленном и культурном центре. Одним из ближайших таких пунктов на пути из Азиатской части страны в Европейскую являлся Свердловск – с 1923 по 1934 гг. столица Уральской области – и ряд других крупных городов, расположенных на Урале. Именно сюда в 1920-х – начале 1930-х гг. постепенно переселялись корейские мигранты с Дальнего Востока. Корейцев, родившихся на Урале, пока по документам не найдено.

Среди корейских мигрантов, особенно в сравнении с китайскими, бросается в глаза высокий уровень образования. Многие в 1920–1930-е гг. получили высшее образование или обладали незаконченным высшим, отсутствовала неграмотность, все прекрасно владели русским и корейским языками, поскольку учились в русских или корейских школах (см. табл. 5). Все это предполагало практически полное отсутствие языкового барьера и определенные возможности для получения доступа к важным социальным лифтам того времени – членство в партии, образование и т. д.

Таблица 5
Образование корейских мигрантов
Table 5
Education of Korean migrants

Образование	Количество человек
среднее	22
незаконченное высшее	22
низшее	11
начальное	9
высшее	8
семилетка	8
несколько классов школы	8
малограмотный	8
грамотный	6
рабфак	4
среднее специальное	3
неграмотный	3
ФЗУ	2
3 курса техникума	1
самоучка	1

Примечание: Составлено автором по: [18–20]

Образование открывало для многих корейцев доступ к социализации в многонациональных коллективах, получению профессиональных навыков, которые позволили им занимать должности, требующие высокой квалификации. Помимо социальной мобильности образование позволяло корейцам продемонстрировать индивидуальную и коллективную лояльность советскому государству.

Материалы следственных дел показали разнообразие сфер трудовой деятельности корейцев, в том числе требующих достаточно высокой профессиональной квалификации, научно-педагогического и управленческого опыта (см. табл. 6). К примеру, кореец по имени Ким Седар являлся преподавателем кафедры органической химии УрГУ, и в конце 1930-х гг. за ним закреплялось неформальное лидерство в общине местных корейцев [21, л. 6–8]. Существенная их часть на момент начала следствия получала высшее или среднеспециальное образование в таких сферах, как медицина, технические науки и т. д. Среди корейцев в целом, репрессированных в частности, была высока доля членов партии (17 человек) и комсомольцев (25 человек).

Таблица 6
Профессии и род занятий корейских мигрантов
Table 6
Professions and occupations of Korean migrants

Место работы или сфера деятельности	Количество человек
студент	43
рабочий	11
неизвестно	5
продавец	5
слесарь	4
старатель	4
художник	4
колхозник	3
преподаватель	3
составитель вагонов, вагоновожатый	3
командир взвода	2
счетовод	2
зав. магазином	2
зав. столовой	2
начальник участка угольной шахты	2
архитектор	1
токарь	1
кочегар	1
снабженец	1
директор	1
электросварщик	1
горный инженер	1
медсестра	1
техник	1
мастер	1
сметчик	1
секретарь райисполкома	1
инженер-исследователь	1
строитель	1
лесоруб	1
снабженец	1
парикмахер	1
повар	1
шофер	1
зав. базой	1
торговый инспектор	1
охранник	1
директор школы	1

Примечание: Составлено автором по: [18–20]

С самого начала 1920-х гг. корейцы приступили к созданию своих социальных структур, игравших важную роль в работе большевиков с корейскими трудящимися. Так, в Екатеринбурге в 1920 г. возникли местные отделения видных корейских организаций: Корейского национального союза и Союза корейских рабочих. Основными постулатами в деятельности первой являлось восстановление политической самостоятельности Кореи и борьба против японской экспансии в Азии. Задачи второй – защита интересов корейских рабочих, оказавшихся на территории советской России.

Союз корейцев выполнял функцию посредника между органами власти и корейскими трудящимися, запрашивал финансовую помощь, осуществлял культурно-просветительскую работу. При участии Союза создавались корейские артели, студенты корейской национальности рекомендовались вузам и Рабфакам для поступления. Есть сведения о переговорах с местными органами власти о предоставлении права на жительство корейским мигрантам и др. К сожалению, в уральских архивах найдено не так много сведений о деятельности этих региональных подразделений. Известно, что в 1923 г. в Перми некоторое время на корейском языке издавалась газета «Голос пермских корейских рабочих» [22, л. 1].

Во второй половине 1920-х гг. в Свердловске под эгидой Союза корейцев открылась папиросная фабрика, действовала красильная мастерская. Корейцы и китайцы, находившиеся в наиболее уязвимом финансовом и социальном положении, привлекались к торговле на рынках, что позволяло обеспечить им небольшой заработок и пропитание. Однако довольно скоро в корейских организациях произошел раскол между условными националистами и коммунистами. Последние при помощи местных органов власти свернули всю коммерческую деятельность корейских организаций, а их участники, заподозренные в нелояльности государству и партии, попали под репрессии.

Выводы

Таким образом, в 1920–1930-е гг. корейцы принимали активное участие во внутригосударственных и международных миграциях, постепенно перемещаясь в советские регионы, удаленные от китайской границы и мест их компактного проживания. Наиболее вероятно, что выбор Свердловска, Перми, Челябинска или Нижнего Тагила в качестве места для переезда часто происходил по рекомендации тех, кто приезжал на Урал до революции на заработки или оказался там в годы русско-японской войны в качестве водворенных лиц. Существенная роль в приглашении корейских мигрантов принадлежала и корейским союзам, возникшим в Свердловске. Так, в крупных индустриальных и образовательных центрах Урала возникали корейские сообщества и развивались их

институциональные структуры, встраивая регион в сложную систему отношений и социальных связей между корейскими общинами. Однако репрессии конца 1930-х гг. привели к тому, что о корейцах на Урале практически ничего не было известно вплоть до конца 1950-х гг., когда началась широкая волна образовательной миграции корейской молодежи из Казахстана и Узбекистана. Как показали дальнейшие события, в довоенные годы Урал нашел свое место в формировании миграционных маршрутов корейцев, прежде всего представителей молодого поколения, стремившихся получить качественное образование и реализовать себя в какой-либо профессии.

Литература

1. Пак, Б. Д. 140 лет в России. Очерки истории российских корейцев / Б. Д. Пак, Н. Ф. Бугай. – М. : ИВ РАН, 2004. – 462 с.
2. Хан, В. С. Корейцы Центральной Азии: прошлое и настоящее / В. С. Хан, Х. Е. Сим. – М. : Изд-во МБА, 2014. – 256 с.
3. Wada, H. Koreans in the Soviet Far East, 1917–1937 / H. Wada // *Koreans in the Soviet Union*. – Honolulu, HI : Center for Korean Studies, 1987. – P. 24–59.
4. Fuchs, M. The Soviet Far East as a strategic outpost and the regional authorities' nationality policy: the Korean question, 1920–1929 / M. Fuchs // *Sibirica*. – 2004. – Vol. 4. – № 2. – P. 201–227.
5. Yoon, I. Migration and the Korean Diaspora: A Comparative Description of Five Cases / I. Yoon // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2012. – Vol. 38. – Iss. 3. – P. 413–435.
6. Chang, J. K. *Burnt by the Sun: the Koreans of the Russian Far East* / J. K. Chang. – Honolulu : University of Hawai'i Press, 2016. – 286 p.
7. Sablin, I. Making the Korean nation in the Russian Far East, 1863–1926 / I. Sablin, A. Kuchinsky // *Nationalities Papers*. – 2017. – Vol. 45. – Iss. 5. – P. 798–814.
8. Русские в Коре и корейцы на Урале: история и современность / под ред. А. В. Антошина, С. В. Смирнова, И. А. Мусиновой. – Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2021. – 192 с.
9. Бойко, В. С. «Как скалы в бурном море...». Судьбы корейцев в Западной Сибири и на Урале в XX – начале XXI века / В. С. Бойко. – Барнаул : Алтайский государственный педагогический университет, 2023. – 256 с.
10. Каменских, М. С. Корейцы в Пермском крае: очерки истории и этнографии / М. С. Каменских. – Пермь : Маматов, 2014. – 192 с.
11. Мусинова, И. А. Советская национальная политика в 1920-е гг. на примере деятельности «Корейского национального союза» и «Союза корейских рабочих» г. Свердловска / И. А. Мусинова, С. Лим // *Уральское востоковедение*. – 2018. – Вып. 7. – С. 59–63.

12. Ко, Е. Ч. Поиск и анализ материалов по пребыванию корейцев на территории уральского региона: начало XX в. и современность / Е. Ч. Ко, Е. Ким, А. А. Буланова // *Корееведение в России: направление и развитие*. – 2021. – № 4. – С. 24–60.

13. Huttenbach, H. R. The Soviet Koreans: Products of Russo-Japanese imperial rivalry / H. R. Huttenbach // *Central Asian Survey*. – 1993. – Vol. 12. – Iss. 1. – P. 65–66.

14. Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 03.11.2023).

15. Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 64120.

16. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). – Ф. 45. – Оп. 1. – Д. 252.

17. ГААОСО. – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 33957.

18. Книга памяти жертв политических репрессий. Свердловская область. – URL: <https://xn--80aah0car.xn--plai/?cat=127> (дата обращения: 03.11.2023).

19. Жертвы политических репрессий в Челябинской области. – URL: <https://archive74.ru/dbases/victim> (дата обращения: 03.11.2023).

20. Реабилитированные жертвы политических репрессий. Территория Пермского края 1918–1980-е гг. – URL: <https://www.permgaspi.ru/repress/> (дата обращения: 03.11.2023).

21. ГААОСО. – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 28503.

22. Государственный архив Пермского края (ГАПК). – Ф. 484. – Оп. 2. – Д. 322.

Авдашкин Андрей Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: adrianmaricka@mail.ru. ORCID 0000-0001-8169-2755

Поступила в редакцию 7 ноября 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh240101

KOREANS IN THE URAL IN THE 1920–1930s: MOBILITY, SOCIAL APPEARANCE, AND STRUCTURES

A. A. Avdashkin

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

This article is devoted to the migration of Koreans to the Urals in the 1920s and 1930s. It focuses on migration, socio-demographic appearance, and the social structures of Korean migrants. The study is based on archival documents, the censuses of 1926 and 1939, and books in memory of the victims of political repression in the regions of Chelyabinsk, Sverdlovsk, and Perm. The territorial framework was chosen as the overwhelming majority of Koreans in the Urals lived within these three regions that. The theoretical and methodological framework was the theory of mobility. Koreans moved to the Urals from the Far East to receive education and employment in large industrial and cultural centers. The military-political situation in the Russian-Chinese border area was heating up and the Koreans began to be perceived by the authorities as an undesirable social element. There was a shortage of fertile land and ideas about the gradual resettlement of Koreans were floated. These all served as push factors for citizens of Korean nationality and contributed to their move to the interior of the country, including the Urals. The deportation of Koreans and repression against them led to the fact that Koreans actually “dissolved” into the local population for a long time, and they became known only after several decades.

Keywords: migration, Koreans, Ural, mobility, repression.

References

1. Pak B.D. 140 let v Rossii. Ocherki istorii rossiyskikh koreytsev [140 Years in Russia. Essays on the History of Russian Koreans]. M.: IV RAN, 2004. 462 s
2. Khan V.S. Koreytsy Tsentral'noy Azii: proshloe i nastoyashchee [Koreans of Central Asia: Past and Present]. M.: Izd-vo MBA, 2014. 256 s.
3. Wada H. Koreans in the Soviet Far East, 1917–1937 // *Koreans in the Soviet Union*. Honolulu, HI: Center for Korean Studies, 1987. P. 24–59.
4. Fuchs M. The Soviet Far East as a Strategic Outpost and the Regional Authorities' Nationality Policy: the Korean Question, 1920–1929 // *Sibirica*. 2004. Vol. 4. № 2. P. 201–227.

5. Yoon I. Migration and the Korean Diaspora: A Comparative Description of Five Cases // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2012. Vol. 38. Iss. 3. P. 413–435.
6. Chang J.K. Burnt by the Sun: the Koreans of the Russian Far East. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2016. 286 p.
7. Sablin I., Kuchinsky A. Making the Korean nation in the Russian Far East, 1863–1926 // *Nationalities Papers*. 2017. Vol. 45. Iss. 5. P. 798–814.
8. Russkie v Koree i koreytsy na Urale: istoriya i sovremennost' [Russians in Korea and Koreans in the Urals: History and Modernity]. Ekaterinburg, Izd-vo UrFU, 2021. 192 s.
9. Boyko, V.S. «Kak skaly v burnom more...». Sud'by koreytssev v Zapadnoy Sibiri i na Urale v XX – nachale XXI veka [“Like Rocks in a Stormy Sea...”. The Fate of Koreans in Western Siberia and the Urals in the 20th – Early 21st Centuries]. Barnaul: Altayskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 2023. 256 s.
10. Kamenskikh M.S. Koreytsy v Permskom krae: ocherki istorii i etnografii [Koreans in the Perm region: Essays on History and Ethnography]. Perm': Mamatov, 2014. 192 s.
11. Musinova I.A., Lim S. Sovetskaya natsional'naya politika v 1920-e gg. na primere deyatelnosti “Koreyskogo natsional'nogo soyuza” i “Soyuza koreyskikh rabochikh” g. Sverdlovsk [Soviet National Policy in the 1920s. on the Example of the Activities of the “Korean National Union” and the “Union of Korean Workers” in Sverdlovsk]. *Ural'skoe vostokovedenie*. 2018. Vyp. 7. S. 59–63.
12. Ko E. Ch., Kim E., Bulanova A. A. Poisk i analiz materialov po pribyvaniyu koreytssev na territorii ural'skogo regiona: nachalo XX v. i sovremennost' [Search and Analysis of Materials on the Arrival of Koreans in the Ural Region: the Beginning of the 20th Century. and Modernity]. *Koreevedenie v Rossii: napravlenie i razvitie*. 2021. № 4. S. 24–60.
13. Huttenbach H.R. The Soviet Koreans: Products of Russo-Japanese imperial rivalry // *Central Asian Survey*. 1993. Vol. 12. Iss.1. P. 65–66.
14. Perepisi naseleniya Rossiyskoy Imperii, SSSR, 15 novykh nezavisimyykh gosudarstv [Population Censuses of the Russian Empire, USSR, 15 New Independent States]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (data obrashcheniya: 03.11.2023).
15. Gosudarstvennyy arkhiv administrativnykh organov Sverdlovskoy oblasti (GAAOSO) [State Archive of Administrative Bodies of the Sverdlovsk Region (SAAOSR)]. F. R-1. Op. 2. D. 64120.
16. Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti (GASO) [State Archives of the Sverdlovsk Region (SASR)]. F. 45. Op. 1. D. 252.
17. GAAOSO [SAAOSR]. F. R-1. Op. 2. D. 33957.
18. Kniga pamyati zhertvy politicheskikh repressiy. Sverdlovskaya oblast' [Book of Memory of Victims of Political repression. Sverdlovsk Region]. URL: <https://xn--80aah0car.xn--p1ai/?cat=127> (data obrashcheniya: 03.11.2023).
19. Zhertvy politicheskikh repressiy v Chelyabinskoy oblasti [Victims of Political Repression in the Chelyabinsk Region]. URL: <https://archive74.ru/dbases/victim> (data obrashcheniya: 03.11.2023).
20. Reabilitirovannye zhertvy politicheskikh repressiy. Territoriya Permskogo kraya 1918–1980-e gg. [Rehabilitated Victims of Political Repression. Territory of the Perm Region 1918–1980s]. URL: <https://www.permgaspi.ru/repress/> (data obrashcheniya: 03.11.2023)
21. GAAOSO [SAAOSR]. F. R-1. Op. 2. D. 28503.
22. Gosudarstvennyy arkhiv Permskogo kraya (GAPK) [State Archive of the Perm Territory (SAPT)]. F. 484. Op. 2. D. 322.

Andrey A. Avdashkin – Cand. Sc. (History), Senior Researcher, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: adrianmaricka@mail.ru

Received November 7, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Авдашкин, А. А. Корейцы на Урале в 1920–1930-е гг.: мобильность, социальный облик и структуры / А. А. Авдашкин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 6–12. DOI: 10.14529/ssh240101

FOR CITATION

Avdashkin A. A. Koreans in the Ural in the 1920–1930s: mobility, social appearance, and structures. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 6–12. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240101
